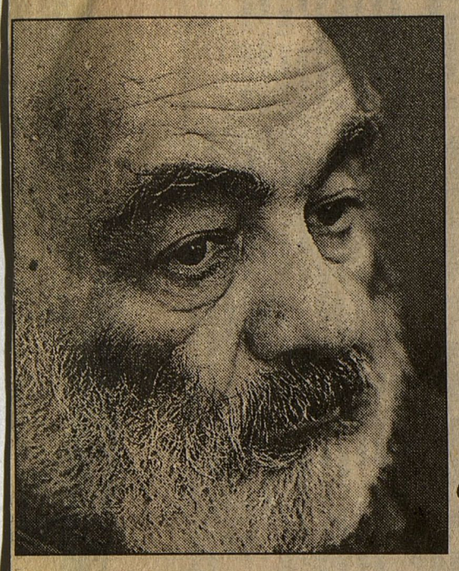
Параджанов Сергей 11.01.94

КУЛЬТУРА



ДОМ НА ГОРЕ СВЯТОГО ДАВИДА

9 января Сергею Параджанову исполнилось бы 70 лет

Независимая газ. — 1994. — 11 янв. — С.7.

Антонина Крюкова

In memoriam

«Я ль не любитель кино одинокого,
как повелось на Москве —
документального, сладкого,
пьяного,
но не велит Гераклит
старую ленту прокручивать заново
— грустно и сердце болит».
Бахыт Кенжеев

ЖАРКИМ июльским днем,— кажется, в 1972 году, — в Кинотеатре повторного фильма я смотрела «Цвет граната». В маленьком зальчике ни одного свободного места. После фильма — на одно мгновение — прочная тишина, и — аплодисменты. Помню это странное и радостное впечатление, когда кадры, словно законченные живописные полотна, вдруг отчетливо оживают в памяти...

В мире едва ли найдется десяток режиссеров, которым удалось создать свой кинематограф. Настолько своеобразный и неповторимый, чтобы имя художника превратилось в понятие, стало явлением. Мне кажется, даже тем, кто не сумел досмотреть до конца хотя бы один фильм Параджанова, знаком и ясен смысл слова «параджановский». Оно отражает впечатление, когда вдруг — внезапно — человек встречается (не обязательно в искусстве, в жизни тоже) с чем-то до такой степени странным, что ему кажется, будто все происходит во сне или в бреду, или еще где-нибудь — только не в реальности, а оказывается, все происходит наяву.

Творчество Параджанова вовсе не отражение жизни, как принято говорить о творчестве и искусстве вообще, и даже не отражение собственного жизненного опыта. Его фильмы — фантазии поэта, оригинальные символы, необыкновенные картины, экзотика, живопись, магия образов. Он был художником чистейшей воды без уклонов в сторону от эстетической созерцательности. И ветер вдохновения проносил его поверх личных жизненных испытаний, «поверх барьеров». Будоражащая, влекущая экзотика его фильмов как бы приоткрывает взору самое сокровенное в людях, обреченных на бездарное существование.

За достоверность рассказов о нем сегодня нельзя поручиться. Я заметила, как впечатление от этого человека, его истории преломляются в сознании рассказчиков, дополняются их собственными фантазиями и желанием выразить себя — не просто иметь отношение, но внутренне быть причастным к этому человеку, через него раскрыться. Амиран Шалвович Думбадзе, друг Сергея Иосифовича еще со времен их юности, говорил мне о том, как заключенные в одном лагере, где находился режиссер, «заразились» вирусом его творчества. Они подражали ему, как дети. В лагере он сделал множество коллажей, кукол, картин. Материалом для работ в лагере служило все, что подвернется под руку: мешковина, трава, засохшие цветы. Около 800 живописных работ сделал он в тюрьме. Среди них — серия портретов зеков. Используя металлические крышки от молочных бутылок, он делал «талеры» с изображением Петра I, Рылеева, Высоцкого, Нефертити, царицы Савской. Технику изготовления этих «талеров» придумал сам, заливая крышки с изображением смолой. Молоко выдавали больным в туберкулезном бараке, а он потом собирал крышки. Эти произведения, созданные в тюрьме, тайно переправлял родным на волю. Когда смотришь на них, на его невероятно изысканные шляпы, оригинальные куклы необыкновенной красоты, поражаешься бесконечности — безграничности — его таланта. (Все это теперь — экспонаты Музея С.Параджанова в Ереване.) Он умел придавать поэзию, красоту вещам обыденным, прозаическим. В его работах присутствует какое-то «высокое косноязычие». Вообще к вещам у него было странное отношение: он привязывался к ним, воспринимал, словно они живые, способные, как человек, страдать, когда их передают другим людям, уносят в другой дом. Я помню, когда впервые попала в московскую квартиру племянника Сергея Иосифовича — Георгия Параджанова, студента режиссерского факультета ВГИКа, то поразилась чудесам, которые здесь творились. Вдруг ни с того ни с сего открылась дверь платяного шкафа, заскрипел, будто оживший, старинный буфет, закачалась люстра и стала как бы парить над столом яркая экзотическая птичка, к ней подвешенная. Похоже, вместе с вещами приехали сюда из легендарного тбилисского дома и его призраки... Один сундучок Джульетты чего стоит!

Это действительно был чудесный дом. Он и сейчас стоит на том же месте в Тбилиси, на горе святого Давида. Совсем недавно дверь его не закрывалась ни днем, ни ночью, сюда приходили, приезжали, прибывали самые разные люди, множество людей — «как в мавзолей» (А. Думбадзе)...Все крутились вокруг Сергея Параджанова, как планеты вокруг солнца. А ему, так же, как и солнцу, было абсолютно все равно, кто вокруг него крутится: он никого не выделял, никому не отдавал предпочтения, ни из кого не делал кумира. Все играли, пели, прыгали и скакали. Все сразу же становились его марионетками. А он был настоящий Карабас-Барабас в своем театре. Трудно было представить более энергичного человека, неизвестно когда позволявшего себе отдохнуть, элементарно выспаться — творчество его было неиссякаемо. Этот карнавал он сам же и создавал, неустанно крутясь в вихре яркой, разнообразной повседневности.

Георгий Параджанов: — **Я видел самый великий театр, который когда-либо существовал на свете. Это был очень талантливый дом. С ним у меня связано детство. Самые яркие воспоминания. Мне много рассказывали о моих предках. Мою прабабушку звали Елизавета Аветовна, она была матерью отца Сергея — Иосифа Параджанова. Когда она умерла, ее похоронили на старом Верийском кладбище, а в то время делать надгробные памятники было очень дорого. Вообще-то в доме Параджановых деньги водились как-то спонтанно: то появлялись, то исчезали. Дедушка Иосиф служил товароведом в антикварном магазине. Однажды он один и тот же буфет умудрился продать семь раз. Потом приходили какие-то люди и хотели его убить. Сам он пять раз сидел в тюрьме, строил Беломорканал, в тюрьме даже был начальником по питанию — тоже умудрился. Во дворе нашего дома была высокая кирпичная стена из плоского грузинского кирпича. Когда умерла Елизавета Аветовна, каждое утро мать Сергея и его сестер Анны и Рузанны — моя бабушка Сиран, отправляя Сергея в школу, клала ему в портфель два кирпича из этой стены, чтобы тот отнес их на могилу — для ограды. Сегодня стена возле нашего дома уже не такая высокая, какой была раньше. Сергей в 1969 году после окончания фильма «Цвет граната» начал писать об этом сценарий «Исповедь». О городе Тбилиси, о Верийском кладбище, где похоронены его предки. Как по решению горсовета кладбище перестраивают в парк культуры. Как приходят бульдозеры — «неоделиты и теоделиты» (его слова) и крушат гранит и мрамор надгробий. И как предки, которые там похоронены, приходят к нему ночью, стучатся в дом, просят их пустить: им некуда деться. А он их не пускает. И тогда они садятся в шкаф, нажимают на кнопку, и этот шкаф несется над рассветным городом по канатной дороге. С гор идет сиреневый туман, они бросают свои испепеленные платки, и туман соединяется с тканями...**

Сценарий писался в Киеве, где Сергей умирал от воспаления легких и просил врача продлить ему жизнь на неделю, чтобы успеть закончить «Исповедь».

С моей мамой у него были очень сложные отношения. Она была экономистом, человеком культурным, но не понимала его фильмов, даже стеснялась. На премьеру «Цвета граната» приехала бабушка Сиран. Собралось колоссальное количество народу. Когда бабушка вышла из кинотеатра, Сергей спросил: «Мама, ну как?» Она посмотрела на него, потом резко провела пальцами по своим щекам, поцарапав их до крови, и сказала: «Тебе не стыдно? Ты не мог мне сказать заранее, что там нет ни одного слова? Ну ладно, слова — но у тебя и музыки там нет! Я бы пошла на авлабар к зурначам, заплатила бы 50 рублей, посадила бы их за экран — они играли бы весь фильм!» Она кричала: «Позор! Позор!»

Как-то приехал к нам Андрей Тарковский. Он очень уставал от большого количества людей. В доме же все 24 часа было полно народу. Толпились абсолютно все: академики, воры, поэты, курды, которые подметали улицы. Тут совершенно не было никакого разделения — все были равны. Мама сидела на балконе. Туда вышел Андрей. Она спрашивает его: «Что, устал?» «Устал». Она говорит: «Вот вы все кричите: гений! гений! Он что — действительно гений?» На что Андрей отвечает:«Да, Аня, это явление в киномире — человек, который нашел свой язык в кино. Это действительно великий режиссер, он действительно гений». Мама же говорит: «Андрей, говорят, ты умный человек. И ты тоже в это поверил? Я не знаю, какой он там гений, но ты посмотри — он же снимает диафильмы. Там же ничего не понятно. И потом, он в последнее время так нагло себя ведет, как будто снял «Клеопатру».

Сергею однажды сказали, что к нему приедет французский поэт. Имени его, к сожалению, я не помню. Сергей хотел принять его так, чтобы это запомнилось. Долго не мог придумать что-нибудь необыкновенное, оригинальное. А напротив нашего балкона на балконе другого дома соседка сушила лепестки роз для варенья. Он попросил отдать ему эти лепестки, пообещав назавтра подарить ей свежие розы. Он установил на подоконнике вентилятор, направив струю воздуха в комнату. Я должен был стоять у подоконника. Когда вошли французы, я стал подбрасывать лепестки в струю воздуха, и они плавно разлетались по комнате. Гости были потрясены...»

Письмо Сергея Параджанова из лагеря Стрижевка. 1976 год.

Гарик! (1) Дорогой!

Получил все, что выслала мама. Я жив-здоров. Был у меня на свидании Сурен Шахбазян (2) и другие. Время летит. Скоро уже 2 года и 2 месяца! Когда меня задержали, мне показалось, что я не выживу и один день. Но человек — шун, (3) все выдерживает. Что у тебя нового? Я просил тебя снять со стенки иконы и ковры и все сложить в комод и нафталин. Все, что я собрал, мне очень дорого. Вай — где Ира! (4) Исчезла! Очень обидно за Еличку (5). Был ли ты на похоронах? Надо было пойти обязательно. Где ее похоронили? Думаю, что на Мтацминде (6). Что делает Алик, твой брат? Он очень талантливый художник и ему надо много работать. Бывают ли Буца (7) или Джемал (8)? Что нового? Как Анико, Лелико, Мзия (9) и другие? Как прошла годовщина Сиран? Кто был?? Что ели? Что пили?? Весной понеси фиалки на могилу Елички. Учись как можно лучше. Надо кончить 10 классов. Обязательно. Как твое здоровье? Если решили сделать операцию гланд, надо пойти к Манане Мелиава, (10) она поведет тебя к Отару Каджая (11) или Хиченашвили (12). Надо сделать операцию. Я ее сделал в 48 лет и очень правильно сделал. Стало лучше.

Этот армянский мальчик (13) похож на тебя. Он снялся в кино в Ереване! Похож очень! Как поживает моя белая мебель? Как было, Гарик, хорошо, когда мы поехали в Телав. Помнишь, когда мы сорвали магнолию и пугали павлинов. А помнишь Вино — Вай ме! Пока мне ничего не надо! Если понадобится, то попрошу. Ничего никому не давать. Не пускать, т.к. я окружен ворами и рецидивистами. Посмотри в альбоме, пошли такое фото, как в вазе. Какие может быть, в комоде или среди открыток. Найди и посмотри среди бабушкиных открыток. «На каторге» — очень похоже на меня! Почему не женится Алико?!

Жду письма! Не стесняйся ошибок, пиши. Как Жора? (14) Как клиэнты? Пусть пожалеет ноги. Нас все делается меньше и меньше. Илева (15) Мтацминда. Пиши Суренчику. (16) Киев. Покровская, 2, кв.74.

Прошу, сними со стены иконы и спрячь! До спец. распоряжений.

Хочу продать. Целую С.П.

Это мой дом.

Амиран Думбадзе: — *Сережа не был умным человеком, — он был талантливым. В Киеве жил в доме на площади Победы, его знали все — от мала до велика, очень популярный был человек. Вся его жизнь, день и ночь — сплошная игра, карнавал. Добрая игра. Он был очень щедрый человек. Все отдавал другим: ковры, бриллианты... Себе ничего не оставлял. В доме Параджановых было немало ценных вещей, Сергей любил красивые вещи и знал в них толк. А был нищий: в дырявых носках, в ботинках с разными шнурками, в рубашке с булавкой вместо пуговиц, — самое красивое отдавал другим. Помню один случай. Сергей очень хотел иметь вазу, которая стояла в витрине магазина «Сыр» на Крещатике. Это была старинная китайская ваза из дворца Гугун (так он сам о ней говорил). Когда испортились отношения с Китаем, Сергей приходит в этот магазин и говорит Мусе, директору (Сергей дал ей прозвище «Виола» в честь сыра плавленого): «Ты хочешь положить на стол партбилет?» Муся испугалась. Тогда Сергей говорит ей: «Муся, у тебя китайская ваза на витрине. Но я могу тебе помочь — устрою ее в реквизиторский цех на киностудию. Быстро повесь «переучет», и мы все решим». Муся повесила табличку, всех из магазина выгнали. Сергей спрашивает: «Сколько ты хочешь за эту вазу?» Когда выбивали в кассе чек, то это была гирлянда, длинная лента чеков. Вазу он забрал к себе домой. Она долго стояла в шкафу, потом он решил подарить ее мне. Он вез ее в самолете, и самолет накренился от тяжести вазы, — так он в шутку рассказывал. «У тебя красивый дом, — сказал он мне, — тебе нужна эта вещь». А я у него спрашиваю: «Сергей, если я выстрелю в эту вазу, как ты думаешь, она рассыпется или нет»? «Выстрели лучше в меня, но только не стреляй в эту красоту». Она и теперь стоит у меня, эта ваза.*

При всей аполитичности его натуры, он видел, знал и чувствовал весь абсурд, весь маразм. Во время парадов на 7 ноября, когда под его балконом шла колонна студии имени Довженко, он выходил на балкон со шкурой белого медведя, предварительно посыпав ее пудрой «Белый лебедь», и начинал трясти шкуру на проходящих внизу. Или вот такой случай. Навстречу Параджанову идет полковник-чекист с двумя сетками туалетной бумаги. Параджанов останавливается и говорит ему: ну что, обосралась ваша советская власть? Смех смехом, но за такие разговоры тогда по головке не гладили. Да дело, конечно, не в них. За что его сажали? За то, что он был талантливый человек и — свободный. Он всегда был свободный, это у него в крови: и в лагерях, и в тюрьмах — везде. Он жил так, как хотел, и ничто не могло этому помешать. Это мы думаем, что такое нельзя выдержать. Но он во всех обстоятельствах был выше, никому не поддавался. Он был художником. И везде находил возможность творить, потому что творчество для него было как воздух. В русском языке есть слово «жалкий», то есть несчастный человек. Так вот, если брать уровень обыденной жизни, то он был именно таким человеком, а если другой — то все наоборот: это мы жалкие, несчастные, маленькие люди.

Сергей чувствовал, что за ним следят. А чекисты наши было хорошие выдумщики, они не хорошо работали, а хорошо придумывали. Если сидел отец, сажали и сына. Он как будто манил их, как будто у него были бубенчики, и он манил ими всех. Помню, когда Сергей жил в Киеве, как-то поздно ночью, почти под утро ушел, ничего не сказав. Отсутствовал несколько часов. Приходит, я не стал его спрашивать, куда он ходил. Он сам сказал мне: «Знаешь, Амиран, я чувствую, что у меня в доме все прослушивается».

Из письма к жене: «Моя вина! В том, — такой вот странный синтаксис, — вероятно, что я родился, потом увидел облака, красивую мать, горы, сияние радуги, и все с балкона детства. Потом города, ангины, ты и до тебя, потом бесславие и слава, некорнованная, и недоверия. И в тумане над освещенным лагерем осенью кричали всю ночь заблудшие в ночи гуси. Они сели на освещенный километр, и их ловили голые осужденные, их прятали, их отнимали прапорщики цвета хаки. Наутро ветер колыхал серые пушинки. Шел дождь. Моросил...»

Амиран Думбадзе: — *Он был странный человек. Не любил читать: «Если буду много читать, меня это испортит». Виктор Джорбенадзе читал ему книги, и Сергей, в общем-то, был человеком начитанным. Многие даже удивлялись: как он успевает читать? Если подумать об этом его свойстве, то, наверное, можно предположить, что ему хватало собственного внутреннего мира, из которого он творил свой Великий Карнавал, свои фантазии, которыми был переполнен.*

Мы часто с Сергеем ездили по Украине. Ходили по деревням, кладбищам — он все это очень любил. Кстати, так он нашел Ивана Миколайчука, когда начинал снимать «Тени забытых предков». Шел по деревне и встретил троих парней-братьев, которые тащили ящики пива на поминки отца. Один из них и был Иван Миколайчук.

Во Львове у кого-то Сергей попросил фонарь старинного кастельского литья. Завернул в свою старую красную майку и попросил меня передать этот фонарь нашему общему другу Виктору Джорбенадзе. Мы с моим приятелем как раз отправлялись самолетом в Тбилиси. По дороге из аэропорта заехали в ресторан «Квереби» (яйца). Через запотевшее стекло видим: в ресторане сидит Андрей Тарковский. Рядом — француженка Мадлен Вердо, ее муж Сергей Цуладзе, переводчик на французский «Витязя в тигровой шкуре», и Виктор Джорбенадзе. Последний что-то рассказывает. Я стучу в стекло, они смотрят на нас, я показываю фонарь, завернутый в красную Сережину майку, и одновременно Виктор Джорбенадзе произносит тост про фонарь совершенно независимо от нашего присутствия. Это была мистика! Тарковский, правда, не поверил, что это было только совпадение. «Вы, грузины, — говорил он, — аферисты. Вы все подстроили». А ничего подобного не было.

А однажды мы встретились с Сергеем в следственном изоляторе в Тбилиси. Сергей сидел в 6-м корпусе в подвале, жалкий, несчастный. Я знал, что он сидит в этой тюрьме. А Сергей не знал, что я тоже нахожусь там под следствием. (К слову, я как-то послал ему пиалу с черной икрой. Сергей потом даже разукрасил эту историю. Он говорил, что Амиран послал мне пиалу с икрой и написал записку: извини, хлеба нет). Всех подследственных собрали в длинном коридоре, чтобы развезти в «черных воронах» на суды. И вдруг во всем здании погас свет. Абсолютная темнота! Как в могиле. Я что-то довольно тихо сказал. Коридор был длинный, битком набит людьми, над головами стоит гул голосов. И вдруг я слышу голос Сергея: «Амо, шен ака хар?» («Амиран, ты здесь?»). А ведь Сергей стоял в противоположном конце коридора. Мы сквозь толпу в полной темноте, на ощупь устремились друг к другу. И когда встретились наши руки, он так сильно сжал мои, как будто впился в них. Мы тогда не виделись лет семь или восемь...

Георгий Параджанов: — **Сергей даже в тяжелых ситуациях, когда было не до юмора вовсе, не терял этого чувства. Однажды на суде он всем давал клички. Охраннику сказал, что тот похож на Наполеона. Судья обиделся: «А почему вы мне не даете имя?» Сергей, посмотрев на судью, говорит: «Дайте мне четыре простыни и два килограмма лаврового листа — я сделаю вас Нероном».**

Амиран Думбадзе: — *К Параджанову рвется Марчелло Мастрояни, а тот не хочет его принять. А как принять? Сергей спит в комнате с обвалившейся штукатуркой, с потолка капает вода. Параджанов спит под зонтиком, накрывшись ковром. Эльдар Шенгелая просит: «Прими Марчелло, а я тебе дам ордер на «Волгу». Последние годы Параджанова стали приглашать за границу. Он ездил очень неохотно, говорил: «Когда я был молод, полон энергии и желаний, меня бросали в сырые подвалы и лагеря, а теперь мне уже ничего не нужно и неинтересно, я не хочу ехать». На фестивалях, где его ждали, а он отказывался ехать, говорили: «Если он не сидит, пусть приедет, а если не едет, значит, сидит».*

Однажды первый секретарь ЦК Украины Шелест вызвал к себе Сергея. Разговаривали в его кабинете, а когда Сергей уходил, Шелест ему говорит: «Вы можете попросить у меня, если вам что-то надо, я сделаю». Сергей отвечает: «Я ничего не хочу, ни в чем не нуждаюсь. Только подарите мне, — говорит, — вот этот крючок». И показывает на стену, где вбит крючок, на котором в разное время висели портреты разных вождей. Шелест растерялся. «А еще что вы хотите?» — спрашивает. «Вот эту дверную ручку, — показывает. — В этом кабинете разные люди сидели, высокопоставленные вожди брались за эту ручку руками». Когда Параджанов ушел, Шелест понял, о чем он его просил.

Он был очень непростым человеком. В нем всего было намешано: и святого, и греховного — все было в нем, он был очень разный. Его призванием была сама жизнь, и он сам в этой жизни — художник, мастер, лицедей, сам — произведение искусства. Я не верил, когда он умирал. В марте 1990 года его привезли в Ереван. Мы с Виктором Джорбенадзе приехали из Тбилиси навестить Сергея. Я спрашивал его: «Сергей, что ты хочешь, что мне для тебя сделать?» Он говорил: «Возьми меня отсюда. Возьми меня обратно в Тбилиси. Я хочу домой». Я не мог взять его. Я чувствовал бесконечное уважение армян к Сергею и не посмел исполнить его просьбу. Его похоронили в Ереване рядом с Арамом Хачатуряном, Уильямом Сарояном, Мартиросом Сарьяном...

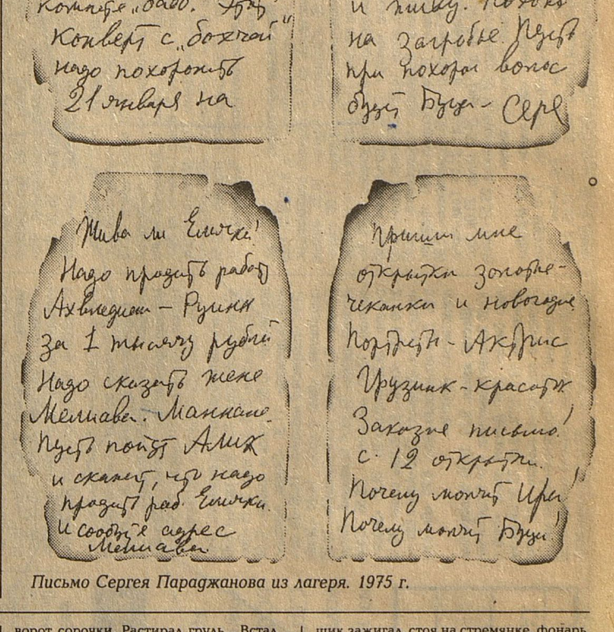
* * *

Остались неосуществленными многие замыслы Сергея Параджанова. Он начал снимать свою «Исповедь», хотел успеть сделать «Чудо в Оденсе» («Исповедь» и «Андерсен» — это все теряет смысл навсегда. Есть вещи посложнее. Например, попавший в морг живой человек». Из письма к жене и сыну 1974 г.). Остались «Киевские фрески», прерванные и не законченные, «Демон», «Давид Сасунский», «Ара Прекрасный», «Бахчисарайский фонтан», «Слово о полку Игореве»... Не хватило жизни.

Георгий Параджанов: — У него были эскизы к спектаклю «Гамлет», который он назвал «Ветры Дании». На сцене 12 юношей, одетых в белые трико, изображали ветры Дании. Из бычьих пузырей была сделана карта Дании. Когда Гамлет уходил в море, эта карта становилась парусом его корабля. А в финале она же превращалась в саван Гамлета. Он хотел снимать фильм «Моцарт и Сальери». Помню маленький эпизод: Моцарт и Сальери в детстве дружили, родители водили их гулять в парк. А в парке садовник большими садовыми ножницами подрезал крылья белому лебедю, чтобы тот не улетел. Моцарт смотрел на это и был потрясен. Сальери тоже смотрел на это и на Моцарта. Потом «подрезал» крылья Моцарту...

1. Георгий Параджанов.
2. Оператор. Работал на картине «Цвет граната».
3. Собака (арм.).
4. И. Асмарян, тбилисская подруга С. Параджанова.
5. Эличка. Елена Дмитриевна Ахвледиани, выдающаяся грузинская художница.
6. Пантеон на горе святого Давида, где похоронены грузинские деятели культуры.
7. Виктор Джорбенадзе, грузинский архитектор, друг С. Параджанова.
8. Друг С. Параджанова.
9. Тбилисские соседи по дому.
10. Архитектор, жена режиссера Тамаза Мелиава.
11. Врач, профессор, друг С. Параджанова.
12. Врач, академик, друг С. Параджанова.
13. На одной странице письма приклеена фотография мальчика из журнала, похожего на Георгия Параджанова.
14. Отец Георгия Параджанова, парикмахер.
15. Пустеет (груз.).
16. Сурен — сын С.Параджанова.

P.S. Автор благодарит Георгия Параджанова за предоставленные материалы, использованные в тексте.



Письмо Сергея Параджанова из лагеря. 1975 г.

Министру Культуры Грузинской ССР
тов. Асатиани В.Р.
Копия: тов. Джанберидзе Н.
тов. Кахидзе Д.

ТВОРЧЕСКАЯ ЗАЯВКА

После встречи с Вами, уважаемое руководство, в кратчайший срок Вам будет представлено либретто, в основе которого будет положено великое произведение русского пролетарского писателя Максима Горького "Мать".

Двенадцать картин, как бы балетных притч, возникнут на сцене театра им. З.Палиашвили,создавая балетную психологическую гармонию становления характера революционера Павла Власова и идущей рядом матери - Ниловны, прозревающей и сопутствующей судьбе и сына, и революции.

Композитор Цедрин или Канчели.

По строгой договоренности с автором либретто композитор создает партитуру балетной эпопеи на основе революционных гимнов и песен - наследия революции ("Вихри враждебные","Мы жертвою пали", "Интернационал"). В основу музыкального коллажа гармонично войдут хоры, фольклорный песенно-танцевальный материал, частушки, перепляскы, церковное песнопение в сочетании с конкретными звуками - шумами, как гудки заводов, сирена тревог, колокольный звон, свистки полицейских и др.

В финале балета - симфоническое "Интермеццо" и апофеоз арф и колоколов в сочетании с вокализом колоратурных сопрано.

Художники балета "Мать" должны использовать изобразительное наследие революции, положив в основу живопись, графику, плакат выдающихся художников революции: Кустодиева, Пименова, Дейнеки, Петрова-Водкина (художник балета "Мать" - Месхишвили).

Исполнительница роли матери - Майя Плисецкая или Ирина Джандиери. Павел Власов - Вахтангидзе Тамаз.

Пафос замысла балета "Мать" - сценография, музыкальное решение, патетика и патриотизм - не имеет равного примера в истории советского балета.

Выдающийся молодой балетмейстер - Георгий Алексидзе - единственный кандидат на данную постановку.

В сцене "Маевка" участвуют кроме основной балетной труппы хореографическое училище.

Новое прочтение романа "Мать" Горького - праздник искусства, необходимый Советскому государству в целях воспитания молодежи и популяризации революционной классики.

В работе над либретто и партитурой необходимо привлечь Д.Кахидзе - выдающегося музыканта, дирижера и поэта.

Постановка балета "Мать" посвящается великой дате - семидесятилетию Великой Октябрьской революции.

(С.Параджанов)

В мае 1987 года роман Максима Горького «Мать» читал Сергею Параджанову мальчик Гия Инджгия, по прозвищу Пэпоин внук. Сергей Иосифович лежал на кровати, слушал и время от времени говорил: «Как интересно, как интересно!» Тогда у него и появилась идея поставить балет по этому произведению классика социалистического реализма к 70-летию великой пролетарской революции. И хотя роман остался недочитанным, а замысел нереализованным, из заявки министру культуры Грузии ясно, что в принципе Сергей Иосифович всерьез думал приступить к постановке балета на сцене тбилисского театра. Публикуемый текст — его неоконченное либретто балета «Мать».

ПРОЛОГ

Начало XX века.

СЕРАЯ рабочая слободка... Серая!.. Грязная! Угрюмо маячат над слободкой высокие черные трубы — заводские...

Вращается сценический круг... медленно панорамирует слободку задолго до начала спектакля...

Зажигают фонарщики фонари... на вращающемся кругу... Плывут зажженные фонари за кулисы и снова возникают напротив...

В тишине заревел фабричный гудок...

Открываются железные, гремящие фабричные ворота...

Сотни, а то и десятки сотен серых, испуганных людей выбрасывает завод на площадь... Ревет гудок... Останавливается круг... Выброшенная заводом толпа расчленяется... Старики идут чинно... их догоняют жены, молодежь группируется... возникает гармонь... девушки следят за парнями... и все это напряженное, охваченное каким-то единым желанием, идет кто в «Трактир», а кто в «Белый собор»...

Пустеет сцена...

Удивительное зрелище: сотни, а то и десятки сотен серых, испуганных людей поглощают серые домики... в окнах зажигается керосиновый свет...

Поглощает силуэты парней «Трактир». Поглощает силуэты серых людей «Собор». Чередуются звуки гармошки, пьяное трактирное пение, кадриль и гнусавое многоголосие «Вечерни», и все это поглощает колокольный звон и гимн «Боже царя храни».

Вот она, «Слободка», «Завод» и «Черная труба», «Трактир», «Собор» и гимн о Боге и царе.

Снова вращается круг... Гремит «Гимн», и, как призраки, зеленые призраки, возникают жандармы, зеленые, раздутые, свистящие, заглядывающие в окна...

Заглядывает зеленый жандарм в окно...

Гаснет окно...

Заглядывает в другое...

Гаснет окно...

Темнеет... Гаснут окна..

Темнеет...

И в темноте возникает Власов Михаил — старый заводской рабочий. Грузный, хмельной, с седой круглой бородой, в серой одежде и сапогах...

Власов поклонился возникшему перед ним жандарму...

Жандарм не ответил Власову на поклон.

За подло!!!

Снова поклон Власова в спину жандарма... Снова раздутый жандарм не ответил. Свирепеет Власов... Хмельной... разрывает косоворотку на груди.. Кому-то грозится... Кого-то преследует... Разбегаются молодые парни... Обходят Власова прохожие...

Власов Михаил бежит... Бегут навстречу Власову фонари... Бежит «Трактир»... Бегут «Собор», «Труба». Власов вбегает на порог «Собора», кого-то ищет в толпе... Люди успокаивают Власова... Он! Власов! Хватает за грудки сына Власова-младшего — Павла и тянет его на площадь... Срывает цветок на картузе... топчет ногами, трясет сына, срывает с головы сына картуз и топчет его...

Резко вращается круг... Проплывают, как кометы, зажженные фонари... Бежит по улице МАТЬ — Ниловна... бежит... покрывая себя на бегу платком... бежит к «Собору» разнять драку сына с отцом... Смотрят вслед бегущей матери жандармы и сами бегут за ней — один, другой, третий. Вот она, свалка! Мать кидается в ноги Власову-мужу... «Родненький мой, уймись!» Она целует ему руки, лицо... Власов неукротим, с чего бы... «Павел, милый сын мой... В чем он повинен?.. В че-е-ем?!» Жандармы безучастно участвуют в драке... Мать Ниловна тянет хмельного мужа домой... Покорно, опустив голову, с поднятым картузом в руках, идет Павел... Мать машет рукой, отгоняя Павла: мол, отстань.

Круг уносит Власова и Мать...

Пьяный фонарщик гасил фонари...

Пьяный фонарщик не мог влезть по ступеням...

Павел услужил фонарщику... Улыбнулся кому-то...

Павел гасил фонари...

Шел рассвет...

Павел улыбался рассвету...

На горизонте — заалело!!!

Луч прожектора осветил, точнее, высветил квартиру Власовых, убогую и серую...

Мать стояла на коленях перед мужем и мыла ноги Власову... Власов в белых льняных кальсонах и белой длинной сорочке был похож на святого, которому грешница мыла ноги...

В печи мигал огонь...

Горела лампадка...

Коптил керосин!

Власов неожиданно положил длань на голову Ниловны...

Растерянная Ниловна поцеловала руку мужа...

В окно заглянул жандарм... Ниловна с испуга резко потушила лампу.

Все окунулось во тьму...

Власов тяжело встал и поклонился жандарму. Жандарм погрозил Власову раздутым пальцем.

Власов... тяжело дышал... Раскрыл ворот сорочки. Растирал грудь... Встал... Власов стонал...

Куда бежать?.. Сюда!..

Власов бежал на огонь лампадки... встал на лаву (скамью. — Ред.) и схватил иконку с ликом Христа. В золотой фольге улыбался расцвеченный Христос в умилении...

Власов бегал по комнате, обняв иконку. Целовал... Что-то просил у Христа.

Власов бегал по комнате, искал кого-то. Дверь в комнату открылась, и на пороге появился Павел в голубой косоворотке. Власов еще крепче прижал иконку к груди и грохнулся перед сыном на колени. Мать тревожно следила за Власовым...

Павел понял сразу, что это предсмертная горячка... Он сам тоже встал на колени перед отцом, обнял его...

Оба Власовых — большой и малый — обнявшись, плакали.

Потом Власов встал, опираясь на Павла, пошел на мать...

Мать пыталась оторвать иконку от груди Власова...

Власов обнял мать... постоял минуту и грохнулся на пол вместе с матерью...

Власов не отпускал и мертвый иконку...

Павел помог матери встать...

Потом оба встали на колени перед отцом.

Это была смерть Власова Михаила.

В окно заглянул жандарм...

Низкий заводской гудок выдул пар...

Власов умер на заре...

* * *

Медленно вращается круг... Фонарщик зажигал, стоя на стремянке, фонарь. Фонарь уплывал за кулисы и возникал напротив. Гудел заводской гудок-труба... Десятки, а то и сотни десятков серых торопящихся людей выбрасывали заводские ворота... Навстречу толпе шла Белая Хоругва, поп в белой рясе и парубки с непокрытыми головами несли на белых льняных полотенцах через плечо белый тяжелый гроб.

Шел Павел в лоснящихся сапогах, в черной косоворотке.

Шли друзья Павла...

Шла Мать, окруженная соседями и кликушами...

Шел белый катафалк с белыми попонами на белых конях...

И вся процессия шла мимо безразличной толпы, идущей навстречу, спешащей к серым домикам, в окнах которых возникал керосиновый свет...

Похороны шли навстречу к безразличию и любопытству...

Из «Белого Собора» выбежал священник и окропил белый гроб бесцветной водой...

Кликуша сдернула с головы Матери платок и надела Матери на голову лоснящиеся черные кружева с розами.

Ревел заводской гудок...

В трактире играла кадриль...

Жандармы в зеленых мундирах цвета «жандарм» снимали каракулевые папахи и кланялись: кто Павлу, кто Ниловне, а кто и «Белому льняному гробу».

Ревели ближний и дальний гудки...

Орфография и пунктуация — авторские.